

УДК 347.736

Разработанность и особенности института банкротства консолидированной группы компаний¹

Коляда Захар Николаевич, аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, zakhar.kolyada@yandex.ru

В статье рассматривается современное состояние правового регулирования института несостоятельности консолидированной группы компаний. Анализируется степень научной разработанности данной проблематики в отечественной цивилистике, выявляются ключевые особенности правового статуса участников консолидированной группы в процедурах банкротства. Особое внимание уделяется соотношению принципа юридической самостоятельности лиц, входящих в группу, и необходимости применения субсидиарной ответственности контролирующих лиц. Обосновывается вывод о фрагментарности законодательного регулирования и наличии доктринальных пробелов, требующих дальнейшего изучения.

Ключевые слова: консолидированная группа компаний, банкротство, несостоятельность, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, единый центр принятия решений, конкурсное производство, судебная практика.

В российском законодательстве долгое время отсутствовало легальное определение консолидированной группы компаний применительно к отношениям несостоятельности. Отдельные попытки правового регулирования предпринимались в рамках Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», однако системного характера они не приобрели. В связи с этим степень разработанности данного института в доктрине остается неравномерной: одни аспекты получили глубокое теоретическое осмысление, другие же до сих пор являются предметом острых споров как в научной среде, так и в правоприменительной практике.

Проблематика банкротства консолидированных групп компаний начала активно разрабатываться в российской цивилистике с начала 2000-х гг., что было связано с появлением первых крупных дел о несостоятельности холдингов, в т. ч. в банковском и промышленном секторах. Внимание исследователей прежде всего сосредоточилось на вопросе о возможности «проникновения за корпоративный покров» и привлечении головной организации к ответственности по долгам дочерних обществ. Переходя к анализу особенностей рассматриваемого института, необходимо отметить, что основные отличия от классического банкротства отдельного юридического лица проявляются как на стадии возбуждения дела, так и в ходе конкурсного производства [1].

Первая особенность связана с определением подсудности и момента возбуждения дела о банкротстве группы. По общему правилу, дела о несостоятельности участников группы могут рассматриваться в разных арбитражных судах, что создает риск несогласованности процедур и противоречивых решений. Законодатель предусмотрел возможность передачи всех дел в один суд при наличии признаков аффилированности и взаимосвязи хозяйственной деятельности. Однако механизм такой передачи остается сложным и зависит от усмотрения судей, что порождает неоднородность практики.

Вторая особенность касается определения признаков банкротства применительно к группе. В то время как для отдельного должника таким признаком служит неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам в течение трех месяцев с даты наступления срока исполнения, для группы компаний данный критерий требует корректировки. Нередка ситуация, когда

ни один из участников группы в отдельности не обладает признаками несостоятельности, но в совокупности их активов и обязательств прослеживается неплатежеспособность. В доктрине предлагается использовать показатель консолидированного баланса, однако этот подход не закреплен в законе.

Третья особенность выражается в регулировании статуса контролирующих лиц. В рамках банкротства группы компаний существенно расширяется круг лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности по долгам должника. К ним относятся не только генеральные директора и члены советов директоров, но и фактические бенефициары, отдававшие обязательные для исполнения указания через цепочку подконтрольных обществ. При этом доказывание факта контроля осложняется отсутствием прямых доказательств и необходимостью использования косвенных улик, таких как совпадение конечных бенефициаров, общего сайта, колл-центра, кадровой политики и иных признаков единого центра принятия решений [2].

Четвертая особенность связана с процедурой консолидации имущества должников, входящих в группу. В отличие от конкурсного производства в отношении одного юридического лица, где конкурсная масса формируется исключительно из активов этого должника, при групповом банкротстве возможно объединение имущества всех участников группы в единую массу. Из этой массы в первую очередь погашаются расходы, связанные с ведением общего дела, а остаток распределяется между всеми кредиторами пропорционально их требованиям. Такой подход позволяет предотвратить вывод активов через внутригрупповые перераспределения, но одновременно создает риск нарушения прав кредиторов тех участников группы, которые несут ответственность только по собственным обязательствам.

Пятая особенность касается оспаривания внутригрупповых сделок. В ординарном банкротстве сделка между аффилированными лицами является объектом повышенного внимания со стороны арбитражного управляющего, поскольку может быть направлена на причинение вреда кредиторам. В контексте группы компаний многие сделки носят внутрихозяйственный характер и совершаются для обеспечения бесперебойной деятельности объединенной группы. Например, передача товарно-материальных ценностей от од-

¹ Научный руководитель: Мансуров Гафур Закирович — заведующий кафедрой гражданского права, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

ного участника группы другому на условиях отсрочки платежа, выдача поручительств и займов. Правоприменитель сталкивается с необходимостью разграничить допустимое внутригрупповое финансирование и недобросовестное перераспределение активов в преддверии банкротства.

Шестая особенность проявляется в процедуре утверждения плана внешнего управления или мирового соглашения. Поскольку группа включает множество самостоятельных юридических лиц, достижение согласованной воли всех участников и кредиторов представляет собой нетривиальную задачу. Закон не предусматривает специального порядка для утверждения мирового соглашения в рамках консолидированного банкротства, что приводит к применению общих правил по аналогии, которые зачастую оказываются непригодными [3].

Основным источником правового регулирования банкротства консолидированных групп компаний в Российской Федерации является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В этом законе содержатся отдельные положения, касающиеся субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, а также возможности объединения дел о банкротстве аффилированных лиц. Однако системного подхода, который бы закреплял самостоятельный институт консолидированной группы компаний как особого субъекта конкурсного права, в законе не содержится.

В 2017 г. в указанный закон были внесены изменения, направленные на усиление ответственности контролирующих лиц. В частности, была уточнена ст. 61.11, предусматривающая субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов. Применительно к группам компаний это означает, что головная организация может быть привлечена к ответственности по долгам дочерних обществ, если будет доказано, что банкротство наступило вследствие исполнения указаний головной структуры.

Значительные пробелы наблюдаются в регулировании процессуальных сроков при консолидированном банкротстве. Поскольку дела в отношении разных участников группы могут быть возбуждены в разное время, возникает вопрос о том, с какого момента следует исчислять период подозрительности для оспаривания сделок. Судебная практика по этому вопросу разрознена: одни суды исходят из даты возбуждения первого дела в отношении любого из участников группы, другие — из даты возбуждения дела в отношении конкретного должника. Кроме того, законодатель не установил правило о приоритете консолидированного банкротства над индивидуальными процедурами. Это означает, что кредитор одного из участников группы инициирует банкротство того лица, которое является его прямым должником, не принимая во внимание интересы иных кредиторов группы. В результате возможна ситуация, при которой параллельно ведутся несколько обособленных

конкурсных производств в отношении формально самостоятельных, но фактически взаимосвязанных обществ, что ведет к необоснованным издержкам [4].

Проблемы правоприменения усугубляются отсутствием в законе легального определения консолидированной группы компаний. Арбитражные суды вынуждены самостоятельно выработать критерии для признания группы таковой, обращаясь к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в постановлении от 21 декабря 2017 г. N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве». В этом постановлении указано, что для целей субсидиарной ответственности не имеет значения наличие или отсутствие формальных корпоративных связей, достаточно установления фактической возможности давать обязательные указания. Однако такие разъяснения касаются лишь одного аспекта банкротства групп — ответственности контролирующих лиц, но не регулируют процессуальные вопросы консолидации.

Российская судебная практика демонстрирует несколько десятков дел, в которых применялся подход, сходный с консолидированным банкротством. Среди наиболее известных можно назвать дела о банкротстве группы «Мираторг», группы «СУ-155», а также ряда банковских групп. В этих делах суды обращали внимание на такие обстоятельства, как общее руководство, единая система расчетов, перекрестное поручительство, перемещение персонала между участниками, наличие общих помещений и средств связи. При этом ни в одном из решений не было сформулировано четкого определения консолидированной группы, пригодного для универсального применения. Следует отметить, что в отличие от некоторых зарубежных право порядков, в частности США с их доктриной «существенного слияния» и Германии с институтом договорного концерна, российское право не создало самостоятельного субъекта — консолидированной группы компаний как потенциального банкрота. Восполнение этого пробела видится возможным путем либо внесения комплексных изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», либо посредством развития судебных доктрин, позволяющих преодолевать формальную обособленность участников группы [5].

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что институт банкротства консолидированной группы компаний в российском праве характеризуется высокой степенью доктринальной и правоприменительной неопределенности. Несмотря на наличие отдельных законодательных положений, касающихся субсидиарной ответственности контролирующих лиц и возможности объединения дел аффилированных должников, системное регулирование отсутствует, что порождает противоречивую судебную практику и ставит под угрозу баланс интересов кредиторов различных участников группы.

Примечания

1. Ахметов А. И. Материальная консолидация при несостоятельности группы компаний как один из примеров игнорирования принципа ограниченной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. N 7.
2. Миткеев А. А. Контроль как признак холдингов (группы компаний) в контексте консолидированного банкротства // Молодой ученый. 2023. N 48.
3. Бештоев М. И. Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии — к реабилитации должника // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2015. N 5.
4. Туфлейкин А. В. Сравнительный анализ института несостоятельности (банкротства) юридических лиц по российскому и зарубежному законодательству // Актуальные исследования. 2023. N 29. Ч. II.
5. Силина Е. В., Кузнецова А. А. Сравнительный анализ процедуры несостоятельности (банкротства) в странах романо-германской, англо-американской и мусульманской правовых семьях // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам: сборник статей. СПб., 2019.

English version

The development and features of the institution of insolvency of a consolidated group of companies

Kolyada Zakhar Nikolaevich, postgraduate, Ural Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the current state of legal regulation of the institution of insolvency of a consolidated group of companies. It analyzes the degree of academic development of this issue in Russian civil law scholarship and identifies the key features of the legal status of participants in a consolidated group within bankruptcy procedures. Particular attention is paid to the correlation between the principle of legal independence of entities within the group and the necessity of applying subsidiary liability to controlling persons. The author substantiates the conclusion that legislative regulation remains fragmented and that doctrinal gaps exist, requiring further study.

Keywords: consolidated group of companies, bankruptcy, insolvency, subsidiary liability, controlling person, single decision-making center, bankruptcy proceedings, judicial practice.